

Дмитрий Мамин-Сибиряк

«В худых душах...»

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
«В худых душах...»
Серия «Уральские рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327162

Аннотация

Рассказ был написан в пору тяжелой реакции, наступившей в стране после убийства народниками Александра II. Изображение трагической судьбы талантливых и самоотверженных детей матушки Руфины являлось резким протестом против полицейского бесчинства, гневным осуждением атмосферы тягостной подозрительности, политических доносов, слежки и преследований.

Содержание

I	4
II	9
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк «В худых душах...»

I

– Вот тебе и Шерама... – проговорил мой возница, тыкая кнутовищем по направлению блеснувшей из-за пригорка степной речки Уразаевки. – Как на ладонке...

Шерама, село дворов в полтораста, красиво облепило бревенчатыми избами холмистый берег Уразаевки. Издали можно было залюбоваться им. Таких сел в Зауралье попадается очень много. Одно только портило картину: насколько хватал глаз, ковром расстилались все поля и поля, и нигде не было даже клочка леса. А прежде, лет полтораста назад, судя по преданиям, вдоль берегов Уразаевки красовались вековые бора, – и аборигены¹ Шерамы, башкиры, откочевывали на летние тебеневки² далеко, в Ишимскую степь. Даже пней не осталось от этих боров, все выжгли уральские заводчики, им усердно помогали и сами крестьяне. Русский человек ценит лес только тогда, когда его изведет до последнего

¹ Абориген – коренной житель.

² Тебеневки – пастбища.

деревя. Впрочем, шераминские мужики не особенно тужат об исчезнувших лесах, потому что на месте этих лесов теперь зеленеют бесконечные хлебные поля, сенокосы, и только часть остается под пустошами, куда выгоняют скот. История этих исчезнувших в Зауралье лесов живо напоминает историю прежних обитателей этого благословенного края, башкир; последние давно уже вытеснены из лучших мест русским населением. От башкир остались во многих местах только одни названия. Так, речка Уразаевка и село Шерама – несомненно, названия башкирские, хотя в Шераме не найдете ни одного башкира, как и по всему течению Уразаевки. Здесь плотно и крепко осело русское население, и между бывшими башкирскими деревнями рассажались чисто русские села: Шляпово, Новоселы, Полома и так далее.

Но зауральский мужик совсем не того типа, к какому привык глаз в великорусских губерниях. Здесь живет народ «естевой», то есть зажиточный (вероятно, от слова: есть), «народ-богатеи», если сравнить с «Расеей». Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. На привольных местах окреп тот же самый народ, раздобрел. Недаром славятся сибиряки своей смышленостью и промышленным характером. Под боком киргизская степь, Обь с своими притоками; позади стеной подымается Урал – было где поучиться зауральскому мужику уму-разуму.

От деревни Шляповой до Шерамы вез меня какой-то дядя Евмен и всю дорогу весело балагурил на своем облучке.

При виде Шерамы даже Евмен пришел в некоторый восторг, потому, вероятно, что она раскинулась, «как на ладонке».

— Важное село, — говорил, любуясь, Евмен, когда наша телега начала осторожно спускаться по крутому косогору прямо к реке. — А вон дом попа Якова... Естевой поп. Тебе к нему?

— Да.

— Ну, ты, ма-ахонькая! — прикрикнул на свою лошадь Евмен, прыгая на облучке; его рубаха из изгребного холста³ надулась парусом, показывая свои кумачные ластовицы. — Попадья Руфина пирогом попотчует, — прибавил Евмен, поворачивая ко мне свое широкое улыбавшееся лицо с оскаленными зубами и загорелым румянцем.

— Любите попа Якова? — спросил я.

— Якова-то? Пошто его не любить — любим... Он у нас как мохом оброс. Теперь, надо полагать, на пятый десяток перевалило, как он поступил к нам в Шераму. Нет, ничего, любим Якова... у него десятин сорок, поди, посеяно — да скотины сколько... всякой всячины — дивно! Яков-то все у нас сам доспие⁴, своими руками, оттого мы его и любим. Примется пахать, так куды мужику, не угнаться... Могутный из себя, навалится на сабан⁵, так лошадь-то только-только не закрихтит, едва выворотит полосу-то. Важно пашет... А при-

³ Изгребной холст — грубый холст, сотканный из оческов льна.

⁴ Доспие^т — поспеет. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

⁵ Сабан — род примитивного двухколесного плуга.

мется косить или сено метать, или молотить – только успевай глядеть. А вот жать – нет, не может, – с улыбкой прибавил Евмен, поглаживая свою бороду мочального цвета: – брюхо не позволяет... Как нагнется, глядишь – и сел. Ей-богу!.. Да и то сказать, старо место, на седьмой десяток перевалило, где уж за молодыми угнаться...

После короткой паузы Евмен тряхнул своей головой и, поправив шляпу на один бок, проговорил задумчиво:

– А ведь у попа-то Якова ноне не ладно в дому...

– Что так?

– Да так... – коротко ответил Евмен таким тоном, который делал дальнейшие расспросы совершенно излишними.

Мы въезжали в самое село. Широкая улица, обставленная рядами красивых изб, вела прямо к каменной белой церковке, красиво прятавшейся в густой зелени черемух, лип и берез. Наше появление, конечно, прежде всего обратило на себя внимание деревенских собак, которые с азартным лаем настоящих провинциалов провожали нас до самого дома о. Якова. Я очень люблю этот домик, выстроенный о. Яковом из старинного кондового леса; он так добродушно поглядывает из-под своей порыжелой тесовой крыши узкими окошечками с белыми ставнями, точно вот-вот сейчас хочет улыбнуться. Лет десять не бывал я в этом доме, но он не изменился ни на волос, только как будто глубже врос в землю да плотнее надвинул свою крышу прямо на глаза, как старую разносившуюся шляпу.

– А вот и попадья Руфина!.. – проговорил Евмен, когда наша телега мягко подкатилась по зеленой полянке к воротам, точно по ковру.

У ворот стояла низенькая толстая старушка в полинялом темненьком ситцевом платье и, заслонив черные узкие глаза короткой пухлой ручкой, внимательно всматривалась в меня. Ей было под шестьдесят, хотя на вид она казалась бодрой еще не по летам. Круглое добродушное лицо было покрыто мелкими морщинами; они собрались около глаз и рта лучами, разбегавшимися по всему лицу при каждой улыбке.

II

– Здравствуйте, Руфина Анемподистовна, – здоровался я, слезая с телеги. – Не узнали меня?

– Да где тебя сразу-то узнаешь, – отозвалась добродушно старушка, видимо еще сомневаясь в твердости своей памяти. – Ах, батюшки... да ведь это ты... – встрепенулась старушка, называя меня по имени. – А уж я-то не чаяла тебя и в живых видеть... Никак, лет десять будет, как ты не бывал у нас?

– Около того.

Старушка обняла меня и расцеловала, а потом, схватив за рукав пальто, бойко потащила в «горницу». Пока мы шли от ворот к старому крылечку, она несколько раз оглядывалась на меня, как будто стараясь убедиться в том, что имеет дело не с призраком, а с живым человеком. Конечно, при таком благоприятном случае старушка не преминула всплакнуть и сквозь слезы с каким-то детским всхлипываньем шептала:

– Из себя-то уж ты больно тово... в чем душенька!.. Все, небойсь, учился? Ох-хо-хо... Учитесь вы до седого волоса, а когда жить-то будете...

– Как отец Яков здравствует?

– Здоров, ничего... Что ему сделается?..

Дворик у о. Якова был устроен на крестьянскую руку. Службы были заняты «стойками» для скотины, амбарами,

сусеками и громадным сеновалом. На задней половине двора помещалось отделение живности; из-за перегородки весело смотрела мохнатая голова годовалого жеребенка; несколько овец лежало в тени амбара, вытянув по земле шеи. Из самой глубины двора выглядывала маленьким окошечком крошечная банька; в ней о. Яков любил отдохнуть летом после обеда часок-другой и «позолотить хлеб-соль», то есть покурить из большой деревянной трубки. Посреди двора стояла тюменская телега, на которой только что приехали с поля; на колесах оставались следы вчерашней грязи, а из кузова лезла во все стороны не успевшая еще подсохнуть недавно скошенная трава. Под навесом у погреба были сложены бороны.

– Милости просим... – говорила матушка Руфина, с легким перевальцем утицей забегаая по настланным дощечкам в темные сени; она распахнула дверь в кухню и любовно смотрела на меня своими черными глазами.

Если во дворе было царство о. Якова, то за порогом сеней начинались уже владения матушки Руфины. Я всегда с некоторым благоговением переступал через этот порог; за ним каждая вещь говорила о неустанном, вечном труде. Налево от входных дверей, за косяком, стоял обыкновенно посошок о. Якова; если посошок дома – и хозяин дома, посошка нет – и хозяина нет. Теперь посошок отсутствовал. Направо в углу стояла крашеная деревянная кадка с водой, а потом целый арсенал сундуков, ящичков, ящичков, коробушек, плетенки и тому подобного «хлама», как называл о. Яков весь этот хо-

зыйственный скарб. От самого порога сеней вела в горницу белая, как снег, тропинка из домашнего холста.

Ход в горницы шел через кухню, и другого не полагалось. «Что я, разве губернатор какой, чтобы парадное крыльцо строить, – говаривал поп Яков. – Я, брат, своими руками дом-то строил... Тут не много разгуляешься. Было бы тепло!» Впрочем, незнакомый человек не скоро бы и догадался, что он в кухне. Русская печь скромно пряталась за ситцевой занавеской, посуда была всегда прибрана, и, может быть, только один пузатый самовар, всегда стоявший на залавке, мог навести некоторое сомнение своим присутствием.

– Снимай балахон-от свой, – говорила матушка, помогая мне снять верхнее пальто. – Гость будешь, да еще какой гость-то... Вот уж по придет, так он как обрадуется...

Прямо из кухни одна дверь вела в горницу самого о. Якова; эта горница выходила тремя окнами на улицу и была перегороджена низенькой ширмой пополам. За ширмой стояла широкая двуспальная кровать. Вторая дверь вела из кухни в горницу матушки Руфины, крошечную комнатку, выходившую одним окошечком на двор. Нужно сказать, что в домике о. Якова всегда стоял совершенно особенный воздух, весь пропитанный каким-то специфическим ароматом. Не то росным ладаном пахло, не то старой вишневой наливкой или геранью – не разберешь хорошенько.

– А это у вас что за оружие? – спросил я, рассматривая полицейскую шашку, которая висела на ширме вместе с бе-

лым кителем.

– Да ведь Прошку-то помнишь? Ну, еще из училища его тогда исключили! Это его муниция... Он у нас урядником служит в Шераме. Как же, чин получил недавно... Теперь где-то в Полому уехал, ловит кого-то.

– Кого?

– Да в Полومه-то попом отец Ксенофонт, а у него сын... Ну, там где-то в Москве обучался. Только это так... он совсем ничего, а это Прошка придумал.

На маленьком столике, который стоял в углу комнаты, были разложены книги и стопкой лежали подобранные номера газеты. На одном переплете я прочитал «Das Kapital, von Marx»⁶.

– Это Кинтильяновы книги, – предупредила мой вопрос старушка. – Ты его не помнишь, поди? Нет, где помнить. Он еще в училище тогда учился, когда ты был у нас в последний-то раз.

– Ведь у вас еще два сына?

– Да, как же... Митрей-то Яковлич попом теперь в Зюзиной служит, а Никаша – дохтуром земским. Четверо их у меня.

– А дочь? Ведь у вас была девочка, Аня.

Старушка только махнула рукой.

– Замуж вышла?

– Нет...

⁶ Маркс – «Капитал» (немецк.).

– Умерла?

– Хуже... – прошептала со слезами на глазах бедная старушка и, осторожно оглядевшись кругом, таинственно проговорила: – Ужо расскажу тебе вечером, когда уберусь. Да вон и поп с Кинтильяном идут... Обедать сейчас будем.

III

Поп Яков вошел в это время уже в кухню и, заметив меня, проговорил своим густым баском:

– Да это никак...

Он назвал меня по имени и, заключив в свои могучие объятия, облобызал. Высокого роста, с могучей грудью, поп Яков смотрел настоящим русским богатырем, а благообразная седина придавала его фигуре нечто патриархальное. Когда, мальчуганом, я учил историю ветхозаветных патриархов, поп Яков для меня служил живым и наглядным примером; я отлично представлял себе фигуру библейского патриарха Иакова – стоило только закрыть глаза и припомнить попу Якова. Десять лет, в течение которых я не видал его, почти не изменили его наружности, за исключением разве того, что косматая окладистая борода из седой превратилась в желтую, да на высоком лбу легло несколько глубоких морщин. И костюм на о. Якове оставался тот же, то есть нанковый⁷ синий подрясник с высоким стоячим воротником, каких нынешние модные батюшки уже совсем не носят; из-под подрясника выглядывала ситцевая рубашка-косоворотка, перехваченная тоненьким гарусным пояском чуть не под самыми мышками. Этот поясок мне всегда казался особенно

⁷ Нанковый – сделанный из нанки – грубой хлопчатобумажной ткани.

забавным, потому что без подрясника, в одной рубашке, как частенько ходил дома о. Яков, он походил на колоссального ребенка. Старик любил в таком виде работать во дворе или в огороде, а на пашне это было даже ему необходимо, потому что подрясник только заплетал ноги и мешал работать.

Широкое русское лицо попа Якова глядело своими большими серыми глазами строго и внушительно; губы всегда были плотно сжаты и очень редко распускались в улыбку. И в фигуре, и в движениях, и в выражении лица сказывался человек, который «в поте лица снискивал» свой хлеб. Я всегда любил эту спокойную уверенность попа Якова, его медленную речь, веселую умную улыбку, которою все лицо точно освещалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.